

И. П. МАНОХА, канд. психол. наук, докторант
(Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко)

ИДЕОЛОГИЯ КАК МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ: ОТ ОБЩЕСТВЕННОГО К ИНДИВИДУАЛЬНОМУ

Наукові праці МАУП, 2003, вип. 6, с. 151–154

Об идеологии говорят, как правило, в контексте общественно-политическом или корпоративном, обнаруживая здесь прежде всего ее надличностную, социальную природу. Однако никакая идеология в любом ее содержательном наполнении и выражении не имела бы столь тотального влияния, если бы не была обусловлена глубинными механизмами индивидуально-психологического и лишь затем — социально-психологического характера.

Исторически идеология появляется с возникновением общественного сознания, первым из которых было мифологическое сознание. «Ключевая точка, с которой начинается время истории — это точка, в которой одна мифология оказывается явлена другой. Когда один миф научается видеть другой миф. Когда становится очевидным факт несовпадения мифологий и возникает необходимость выработать к этому какое-то отношение. Здесь мифологическое оборачивается религиозно-идеологическим и становится основой существования государств. И это именно та точка, в которой человек выходит из состояния равновесной тождественности со своим мифом и переживает искушение чужим» [2, с. 658].

Первая дихотомия, которая обнаруживается в процессе зарождения и проявления любой идеологии (мифологической, религиозной, научной или общественно-политической) — это дихотомия «свое — чужое», которая имеет прежде всего индивидуально-психологическую окраску. До встречи с «чужим» главной ценностью существования исходного мифа была ценность сохранения. «Смысл жизни состоял в поддержании той мифологической традиции, которая тысячелетие

за тысячелетием транслировалась десятками поколений, подтверждая культурно-видовую идентичность представителей данного племени. И оттого история была невозможна. Взгляд представителя данного племени был подчеркнуто равнодушен к тому, как смотрят на мир представители чужого племени. Мифы не сталкивались друг с другом и даже не задевали друг друга, существуя как бы в параллельных реальностях. И оттого можно было с уверенностью сказать: все, что будет, уже существовало в прошлом. И первую точку прорыва этой доисторической самоидентичности человека следует определить как точку неудовлетворенности чужим» [2, с. 658].

Факт существования чужого становится предметом жестокого отторжения. Осознание того, что есть чужое, вызывает страх. «Чужое начинает восприниматься как угроза. Возникает необходимость в особых инструментах, которые позволили бы своему мифу одержать полную и безоговорочную победу над чужим мифом. И тогда возникают религии, в которых мифы манифестируют себя в храмах и статуях богов. И тогда возникают государства, каждое из которых представляет ту или иную религиозную идеологию и посредством которых религии вооружаются для борьбы против чужих религий. Миф получает религиозно-государственное обрамление. Он становится воинствующим мифом» [2, с. 659]. История начинается там и тогда, где и когда миф становится идеологией.

Таким образом, процесс развития любой формы общественного сознания в статусе идеологии проходит по следующему пути: самоидентичность — обнаружение другого — неудов-

летворенность этим фактом — сравнение с другим — демонстрация позиции (отторжения или принятия). В этой диалектической цепочке тесно переплетены как индивидуально-психологические, так и социально-психологические механизмы, однако исходная позиция принадлежит все же первым.

С развитием культуры человеческого общества *идеология* в наиболее широком смысле стала пониматься как *учение об идее, мире идей*, той сфере, которая является необходимой в обусловливании жизни человека. Сегодня идеология может пониматься как учение о содержании наиболее генерализованных в общественном смысле компонентов (триединство составляющих) и механизмах его воплощения (“теория идолов”).

Историческое триединство в идеологии как учении об идее следующих *философско-психологических компонентов* (помимо собственно политических, экономических и т. д.): учения о гражданственности и гражданине; учения о гуманизме; учения о добродетели.

Одной из наиболее известных объяснительных философских моделей, вскрывающих не только общественные, но и индивидуально-личностные черты идеологии, является теория “идолов” **Френсиса Бэкона** — выдающегося мыслителя эпохи Научной революции (Барокко). Здесь речь идет не только о содержательной стороне идей, но и о механизмах их появления (проявления), что особенно важно при обнаружении технологических компонентов идеологий в современном обществе. “Идолы и ложные понятия, сковавшие человеческий разум, пустив в нем глубокие корни, не только препятствуют в поиске истины, но (даже если доступ к ней открыт) они продолжали бы вредить в процессе обновления наук, если бы люди, предупрежденные об этом, не боролись, насколько возможно”, — утверждал философ.

На языке современной психологии эти “идолы” обозначались бы по аналогии с “архетипами” или “универсальными конструктами сознания (или бессознательного)”, механизмы возникновения и проявления которых имеют некую генерализованную природу, но способ и путь их воплощения в реальности жизни отдельного человека — всегда индивидуальны. Различать “идолы” необходимо для освобождения от них. Но каковы же они?

“Есть четыре вида идолов, осаждающих человеческий ум”, — утверждает Ф. Бэкон. Это идолы рода, идолы пещеры, идолы площади, идолы театра. Конечно, наиболее надежный способ их удаления из человеческого сознания заклю-

чался бы в наполнении последнего аксиомами и концептами, выработанными с помощью правильного метода, истинной индукции. Однако уже сама индивидуализация идолов — большой прогресс.

1. **Идолы рода** “вскормлены самой человеческой природой, человеческой семьей, или родом. Человеческий ум — все равно что кривое зеркало, отражающее лучи от предметов; он смешивает собственную природу вещей, которую деформирует и искажает”. Например, человеческий ум по своей структуре придает вещи “большой порядок”, нежели действительно существующий; ум придумывает соответствия и отношения, которых в действительности нет. Так появилась идея о том, что “в небе любое движение должно всегда происходить по окружности и никогда — по спиралам и серпантинам”. И еще: “Человеческий ум, когда он находит какое-либо удобное или кажущееся верным или убедительным и приятным понятие, подгоняет все остальное так, чтобы подтвердить его и сделать тождественным с ним. И даже если мощь и число противоположных понятий больше, он или не признает этого — из пренебрежения, или путает их с различиями и отбрасывает — из тяжкого и вредного предрассудка, лишь бы сохранить в целостности свои первые утверждения”.

Порок человеческого ума заключается в том, что сегодня мы бы назвали ошибочной тенденцией самоутверждения, противоположной правильности критического отношения, согласно которому следует быть готовым в целях прогресса в науке отвергнуть гипотезу или догадку, или теорию, если обнаруживаются противоречащие ей факты. Но к числу опасных тенденций относятся не только те, что допускают порядок и отношения, которых нет в сложном мире или не принимают в расчет в иных случаях. Мы склонны с легкостью переносить качества одной вещи на другие предметы, которые этих свойств не имеют. В общем “человеческий ум — не только интеллектуальный свет, но и критическое преодоление воли и чувств. Человек считает верным предпочтительное и отвергает из-за высокомерия и тщеславия парадоксы — чтобы не расхотеться с общепринятым мнением; и еще самыми разными способами, часто недоступными пониманию, чувство проникает в разум и разрушает его”. Часто “созерцание ограничивается ... видимым аспектом вещей, сводя к минимуму наблюдения за тем, что в них есть невидимого...”. Кроме того, “человеческий ум по своей природе стремится к абстракции и воображает стабильным то, что на са-

мом деле склонно к изменению”. Таковы идо­лы рода.

2. **Идолы пещеры** исходят от отдельного чело­века. “Каждый из нас, помимо общих заблужде­ний, свойственных человеческому роду, имеет свою собственную пещеру, в которой свет приро­ды рассеивается и гаснет по причине специфиче­ской природы каждого индивида или воспита­ния и влияния других людей, или из-за книг, которые он читает, и авторитета тех, кем он вос­хищается и кого уважает, или по причине раз­личия впечатлений, в зависимости от того, на­ходят ли последние душу уже занятой предубеж­дениями или свободной и спокойной”. Дух людей “различен, склонен к изменчивости и почти слу­чаен”. Поэтому, как пишет Ф. Бэкон, прав был Гераклит, когда сказал: “Люди ищут знаний в своих маленьких мирах, а не в большом, общем для всех мире”. Идолы пещеры “берут свое про­исхождение из особой природы души и тела ин­дивида, его воспитания и привычек или других случайностей”. Например, может случиться, что некоторые привязываются душой к своим част­ным наблюдениям “или потому, что затратили на них весь свой ум и привыкли к ним”. Основы­ваясь на каком-либо сконструированном ими фрагменте знания, они экстраполируют его на философские системы: “Даже Гильберт от изуче­ния магнита перешел немедленно к конструиро­ванию философии, соответствующей тому, что привлекло его внимание”. Есть такие, “кто восхи­щается античностью, и такие, кого притягивает новизна; мало тех, кому удается держаться сере­дины, т. е. не презирать того, что есть справед­ливого в учении древних, и не забывать его в связи с открытиями современных ученых”.

3. **Идолы площади, или рынка.** Ф. Бэкон пи­шет: “Есть также идолы, зависящие, так сказать, от взаимных контактов человеческого рода: мы называем их идолами площади, соотнося с тор­говлей и общением”. В самом деле, “связь между людьми осуществляется при помощи языка, но имена даются вещам в соответствии с уразуме­нием народа, и достаточно некритического и не­адекватного применения слов, чтобы совершенно сбить с толку разум. Определения и объяснения, которыми часто пользуются ученые для самоза­щиты, также не способствуют восстановлению естественной связи разума и вещей”. Иными сло­вами, Ф. Бэкон исключает то, что мы сегодня называем “гипотезами *ad hoc* (к данному слу­чаю)”, т. е. гипотезы, которым грозит опровер­жение, с единственной целью — спасти их от кри­тики. Во всяком случае, говорит Ф. Бэкон, “слова

насилуют разум, мешая рассуждению, увлекая людей бесчисленными противоречиями и невер­ными заключениями”. Идолы площади, по мне­нию Ф. Бэкона, наиболее тяжкие из всех, “потому что они внедрены в разум согласованием слов и имен”. Люди “верят, что их разум господствует над словом, но случается и так, что слова обра­щают свою силу против разума, что делает фи­лософию и другие науки софистическими и без­действенными”. Идолы, проникающие в разум с помощью слов, бывают двух родов: или это име­на несуществующих вещей (как, например, “судь­ба”, “вечный двигатель” и т. д.), или это имена вещей существующих, но путанные и неопреде­ленные, неподобающим образом абстрагирован­ные.

4. **Идолы театра** “проникли в человеческую душу с помощью различных философских докт­рин из-за наихудших правил доказательства”. Ф. Бэкон называет их идолами театра, считая “все философские системы сказками, предназна­ченными быть разыгранными на сцене, пригодными для создания выдуманных театральных миров”. С баснями мы сталкиваемся не только в совре­менных философских доктринах и “античных философских сектах”, но и во “многих научных принципах и аксиомах, утвердившихся в силу традиции, слепой беспечной веры”. При всем этом Ф. Бэкон не склонен обвинять древних или от­казывать им в уважении. Мы, говорит он, ищем новый метод, незнакомый древним, позволяющий умам более скромным достичь больших резуль­татов: “Как говорят, и хромой, поставленный на верную дорогу, быстрее преодолет трудный пе­ревал; ведь не знающий пути чем больше торо­пится, тем больше плутает”. То же можно ска­зать и об истинной цели науки и верном методе исследования.

К. Мангейм, известный социолог науки, ут­верждал, что теория “идолов” Бэкона может рас­сматриваться в определенном смысле как пред­шественница современного понятия идеологии. “Идолы” — это иллюзии (рода, пещеры, рынка и театра), источники ошибок, происходящие из самой человеческой природы или отдельных ин­дивидуумов. Их можно отнести к обществу и традиции. Во всяком случае, идолы препятствуют истинному познанию [3].

Х. Ортега-и-Гассет, прослеживая процесс, “когда идеи становятся верованиями”, утверждал: “Человек больше, чем мышление, поскольку он еще и страсть, страх, тревога, желание. Челове­ка нет без идей, они необходимы для решения проблем, непрерывно возникающих сомнений.

Человек обязан понимать, что происходит вокруг, он не может жить вслепую. Если философия может предложить анализ этических положений, ценностей и идеалов, при помощи которых люди ориентируются в жизни, понимая ее смысл, то наука, со своей стороны, должна стать действенным инструментом информирования человека о состоянии среды, в которой он живет" [4].

Ортега-и-Гассет различает верования и идеи-изобретения. "В идеях-изобретениях заключены наиболее строгие научные истины, можно сказать, мы создаем их, утверждаем, обсуждаем — это наши творения". "Верования", напротив — базовые, полученные в наследство от прошлого идеи, "молчаливое наследие". "Не мы располагаем идеями, идеи — мы сами", содержание жизни, нашего мира и нашего бытия. Каждый момент жизни предполагает множество автоматизмов, в основе которых лежат верования. Мы помещаем реальность внутрь схем, образованных верованиями. Наше окружение — верования и проблемы — результат традиции, наследственный капитал [4].

Содержательный анализ слагаемых *идеологического влияния* как одного из *механизмов управления* общественными и социальными процессами

позволяет создать основу для построения технологий наиболее эффективного воздействия в разнообразных сферах его осуществления: от микро-социумов разных типов до макросоциального влияния в социумах с традиционным и неокультурным устройством. Акцент на *индивидуально-психологических механизмах* такого воздействия — действенный путь построения социальных технологий влияния, поскольку позволяет обеспечить поли-модальное воздействие в направлении от глубинного (в психологическом смысле) до проявленного в социальном индивидуального "Я", что обеспечивает высокий коэффициент эффективности реализуемых влияний.

Литература

1. Бэкон Ф. Сочинения. — М., 1976.
2. Лобок А. М. Антропология мифа. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. — 688 с. (Библиотека философа: Философский андеграунд Урала).
3. Мангейм К. Диагноз нашего времени. — М.: Юрист, 1994. — Сер. "Лики культуры".
4. Ортега-и-Гассет Х. Идеи и верования // Избранные труды. — М.: Весь мир, 1997.